

Первым отпустил Цзян Лу.

Он тихонько усмехнулся:

— Ладно, сначала я приму душ.

Медленно высвободившись из его объятий, Ли Тан шмыгнул носом, собираясь вытереть слезы рукой, когда Цзян Лу протянул ему салфетки.

Как только он взял их, Цзян Лу поднял руку и ласково погладил Ли Тана по голове:

— Не уходи, подожди меня здесь.

Ли Тан послушно остался на месте, одной салфеткой вытирая глаза, другой — высмаркиваясь, а оставшуюся аккуратно сложив в руке.

Вытершись, он сделал несколько шагов к стене и в зеркале увидел, что его глаза покраснели, лицо стало бледным, как бумага, а на губах виднелся кровавый след от того места, где он их когда-то прикусил. Зрелище было не из приятных.

Когда Цзян Лу вышел из душа, Ли Тан расчесывал волосы пальцами. Он повернул голову на звук, но тут же поспешно отвел взгляд, увидев, что на Цзян Лу нет рубашки.

Цзян Лу заметил притворство Ли Тана и счел его забавным. Ранее он был одет точно так же, но Ли Тан, казалось, не нервничал, когда они обнимались.

Достав из шкафа для хранения футболку, он надел ее, повесил куртку на руку и захлопнул дверцу шкафа.

— Пойдем, — сказал Цзян Лу.

На входе Ли Тан забрал свой телефон у охранника, разблокировал его и обнаружил что-то неладное — на экране появилась трещина.

В автобусе Ли Тан взял телефон Цзян Лу в качестве фонарика, осмотрел его под светом и понял, что треснуло только защитное закаленное стекло.

С облегчением он вернул трубку, поднял глаза и увидел, что Цзян Лу пристально смотрит на него, и на его губах играет легкая улыбка.

Ли Тан не знал, чему улыбается, и чувствовал себя неловко, когда начал разговор:

— С твоим телефоном все в порядке, да?

— Хм?

— Ты не отвечал весь день.

Цзян Лу опустил глаза, разблокировал телефон и сказал понимающим тоном:

— Он был в беззвучном режиме, я не заметил.

Проверив историю звонков, он обнаружил двадцать восемь пропущенных звонков от Ли Тана.

Больше, чем он ожидал.

Ночные автобусы всегда двигались медленнее, чем днем. Подойдя к остановке возле дома Цзян Лу, Ли Тан встал и пошел за Цзян Лу к задней двери.

Цзян Лу, держась за ремень, наклонил голову и спросил:

— Не собираешься возвращаться на вечерние занятия?

— Нет, я не пойду, — сказал Ли Тан.

— Тебе не обязательно оставаться со мной, — сказал Цзян Лу. — Я не сделаю никаких глупостей.

Ли Тан был слегка ошеломлен.

Он действительно все знал.

— Я взял отгул, — сказал Ли Тан. — И есть несколько математических задач, о которых я хотел бы тебя спросить.

Цзян Лу поджал губы, больше ничего не сказав.

Сегодня вечером не было ни звезд, ни луны, ветер был слабым, и было особенно тихо.

Проходя мимо магазина товаров повседневного спроса, Цзян Лу снова зашел туда, чтобы купить пакет кошачьих ушей, и протянул его Ли Тану, когда они подошли к его порогу.

Ли Тан помнил о том, как упорно трудится Цзян Лу ради денег:

— Нам не нужно есть каждый раз...

Цзян Лу вошел, включил свет, достал из рюкзака задачник и, проходя, пнул пластиковый табурет из-под стола:

— Тогда в следующий раз угости меня.

Ли Тану понравилось его «в следующий раз», подразумевающее, что их история продолжится.

Впервые за сегодня улыбнувшись, Ли Тан весело ответил:

— Договорились.

За полчаса были объяснены две задачи. Цзян Лу достал блокнот, записал в нем новую задачу аналогичного типа и поставил Ли Тану задачу решить ее за десять минут.

Ли Тан внутренне застонал, но не осмелился открыто возразить ему, кусая кончик пера под лампой и размышляя. Прежде чем он успел найти решение, он заметил почерк Цзян Лу – размашистый и плавный, достаточно красивый, чтобы служить образцом для подражания.

Не только его китайские иероглифы, но и почерк Цзян Лу на английском языке были очень красивыми, его тестовые работы по английскому языку больше подходили для того, чтобы выставить их на доске объявлений класса в качестве образцовых ответов, чем работы Ли Тана, который был представителем класса.

За исключением раздела аудирования.

Из-за потери слуха на одно ухо Цзян Лу плохо понимал английскую речь на слух, часто ошибаясь на половине из двадцати вопросов с несколькими вариантами ответов. Этот, казалось бы, незначительный слабый момент напрямую снизил общий балл Цзян Лу. Ли Тан подсчитал, что если бы он ошибся только в двух вопросах по аудированию, он бы легко попал в тройку лучших.

С одной стороны, он признавал усилия и выдающиеся достижения Цзян Лу, с другой — трудно было не пожалеть его.

Если бы его родители были живы, пусть даже только один из них, отец, он бы, по крайней мере, смог его защитить. Уши у него не пострадали бы, и он мог бы спокойнее стоять на вершине горы.

Ему не пришлось бы так упорно бороться, чтобы заработать на жизнь, притворяясь сильным, несмотря на боль.

Почувствовав взгляд Ли Тана, Цзян Лу поднял голову:

— Закончил?

— Нет... пока нет, — Ли Тан тут же выпрямился, снова сосредоточившись на проблеме.

Написав две строчки, кончик его ручки все медленнее двигался по бумаге. Ли Тан слегка наклонился набок, краем глаза поглядывая на нее.

Пойман с поличным.

Цзян Лу улыбнулся ему:

— Забудь, не пиши больше, помоги мне кое с чем.

Минуту спустя Ли Тан сидел лицом к лицу с Цзян Лу, держа в руке лезвие бритвы. Он был слишком растерян, чтобы чувствовать смущение.

— Ты хочешь сказать, что мне следует использовать это, чтобы разрезать поврежденную кожу?

Цзян Лу кивнул.

— Почему? — Ли Тан был несколько недоверчив, его голос слегка повысился. — Разве это не больно?

— Отток подкожной крови ускорит заживление, — сказал Цзян Лу.

Он примерно понимал принцип действия. Кровь, скопившаяся под кожей, рассасывалась естественным путем не менее недели. Однако, если сделать надрез, чтобы выпустить кровь, отек быстро уменьшался, и рана больше не выглядела пугающе багровой и опухшей.

Однако...

— Но это может повредить кожную ткань и, возможно, оставить шрам, — с тревогой сказал Ли Тан.

— Это лучше, чем если бы учителя увидели это и наказали меня за драку вне школы.

— Но это же вокруг глаза, что, если я поскользнусь и пораню твой глаз...

— Ты этого не сделаешь, — сказал Цзян Лу. — Ты ведь не допустишь этого, правда?

Ли Тан лишился дара речи.

Он не понимал, почему Цзян Лу так ему доверяет. Только он мог быть уверен: «Да, конечно, как я мог позволить тебе пострадать? Ты и так ранен, как я могу причинять тебе еще больше боли?»

Цзян Лу наблюдал за Ли Таном с расстояния в тридцать сантиметров, его взгляд был ясным.

— Давай, — приказал он глубоким голосом.

Позже Ли Тан не мог вспомнить, как ему удалось успокоить нервы.

Его руки дрожали, он крепко сжимал лезвие бритвы, позволяя острию вонзиться под бровь. От легкого нажатия кожа лопнула, и скопившаяся кровь хлынула наружу.

Кровь была густой и казалась нездорово черной в тусклом свете. Она медленно стекала по уголку глаза, скользя по бледному лицу и извиваясь к уголку рта.

Словно змея, ползающая по снегу.

Наблюдая за всем этим, конечности Ли Тана ослабли, но его тело продолжало неудержимо дрожать.

Словно не чувствуя боли, Цзян Лу не моргнул, наблюдая за человеком перед собой, который был почти измотан.

Разомкнув тонкие губы, он спросил:

— Ты когда-нибудь видел труп, пронзенный бесчисленными стальными прутьями?

Сделав быстрый вдох, зрачки Ли Тана слегка расширились, словно он следовал воспоминаниям Цзян Лу, действительно увидев столь изуродованный труп.

Это был отец Цзян Лу.

Чтобы не допустить, чтобы ребенок, переходящий дорогу, пострадал, его отец нажал на

тормоз, пожертвовав собой и оставив своего семилетнего сына одного во всем мире.

Оставалось только задуматься: если бы он знал результат заранее, сделал бы он тот же выбор? Стать нерадивым отцом ради чужого ребенка?

Внезапно послышался тихий смех, это был Цзян Лу, который схватил Ли Тана за руку, все еще державшего лезвие бритвы, и спросил его:

— Теперь страшно?

Затем он изогнул шею, наклонился вперед и прижался своими окровавленными губами к теплым и липким губам Ли Тана.

Ли Тан не успел отреагировать, инстинктивно затаив дыхание, в его глазах отразилось лицо Цзян Лу, увеличенное в бесчисленное количество раз, вся кровь в его теле, казалось, разом устремилась к сердцу.

Его разум опустел.

Когда сознание постепенно вернулось, Ли Тан не сразу это осознал, пока не высунул язык, чтобы лизнуть. Во рту у него разлился металлический привкус — это была кровь Цзян Лу.

— Когда человек умирает, кровь быстро сворачивается и становится холодной, — Цзян Лу отступил, его глаза наполнились торжествующей улыбкой. — Моя кровь теплая.

Ли Тан невольно подумал о фразе «слизывать кровь с лезвия».

А Цзян Лу, казалось, был даже острее лезвия.

Голос был тихим, словно доносился из безлюдной долины:

— Как только ты попробуешь ее, ты больше не будешь бояться.

В этот день Ли Тан вернулся домой позже обычного.

Войдя, он увидел, что свет в гостевой комнате и столовой ярко горел, и, предположив, что тетя еще занята, Ли Тан переоделся в тапочки, поднял голову и увидел идущую к нему мать.

— Ты вернулся, — заговорила она первой.

Ли Тан на мгновение опешил, опустил глаза, чтобы скрыть это, и просто произнес:

— Хм.

Чжан Чжаоюэ провела его в столовую, зашла на кухню, налила ему миску супа и поставила ее перед ним:

— Сегодня тушеный суп, попробуй.

Это был старый утиный суп с квашеной капустой, который Чжан Чжаоюэ готовила время от времени, особенно осенью. Он был свежим и вкусным, согревая тело и легкие.

Давно не пробовавший маминой стряпни, Ли Тан почувствовал прилив горько-сладких эмоций, от поднимающегося пара из миски с супом, казалось, защипало глаза.

Но на самом деле он не особо любил утку, считая ее жирной и сальной. Много лет назад знаменитое блюдо из жареной утки из известного столичного ресторана он выплюнул, откусив всего один кусочек.

Однако в том же году, сидя за тем же столом, Чжан Чжаоюэ, казалось, забыла об этом.

Это напомнило Ли Тану другой случай.

Он начал учиться игре на фортепиано в пять лет, занимаясь у преподавателя музыки во Дворце молодежи. Каждое воскресенье днем ему приходилось ходить к учителю домой на уроки. Ли Юаньшань был занят на работе, поэтому Чжан Чжаоюэ отвечала за то, чтобы водить его на занятия.

Однажды, когда Ли Тан учился во втором классе и после уроков, он прижал к себе ноты и стоял внизу у дома учителя, ожидая больше получаса, но Чжан Чжаоюэ так и не пришла забрать его.

Хотя воспоминания о времени в Сюйчэне были размыты из-за лихорадки, страх «мама меня больше не хочет» живо запечатлелся в его сердце. Ли Тан подумал, что мать снова ушла, оставив его одного, и разрыдался, чем напугал учителя наверху и чуть не привлек внимание патрулировавших неподалеку полицейских.

В конце концов Чжан Чжаоюэ все же приехала, объяснив это тем, что задержалась из-за пробок. Ее рука, сжимавшая руку Ли Тана, была ледяной, но тот все равно крепко сжимал ее, не решаясь отпустить.

На обратном пути Чжан Чжаоюэ остановила водителя перед улицей с едой и спросила Ли Тана:

«Хочешь поесть жареные мясные шашлычки?»

У Ли Тана все еще были слезы в уголках глаз, но он сглотнул слюну.

Ли Юаньшань не разрешал ему есть эту «вредную пищу», продаваемую в придорожных ларьках, и он также велел его матери и экономке не покупать ему ее.

Поэтому, когда Ли Тан увидел возвращение Чжан Чжаоюэ, его сердце наполнилось радостью и предвкушением.

Однако, когда дверь машины открылась, шашлык, который передала Чжан Чжаоюэ, был посыпан тмином и перцем чили. Ли Тан боялся острой пищи, но не хотел разочаровывать мать, поэтому съел его неохотно.

Позже Ли Тан понял, что эти мясные шампуры были своего рода компенсацией.

Как сейчас эта тарелка супа.

Хоть ему это и не очень нравилось, но этого было достаточно, чтобы утешить его и заставить забыть о грусти от того, что его оставили без внимания.

Доев суп и помыв руки, Ли Тан увидел в зеркале красные уголки своего рта и вдруг вспомнил, что не сказал Цзян Лу о своем возвращении домой.

Он вернулся в свою комнату и отправил сообщение. В ожидании ответа Ли Тан лежал в постели, не в силах удержаться и снова прикоснулся к своим губам.

Если не считать дрожи от страха, в нем, похоже, еще сохранялось немного тепла.

Он просто не знал, можно ли это считать поцелуем.

Когда телефон завибрировал, Цзян Лу сидел в кресле лицом к окну у двери, слабый свет от фонаря в виде кролика проникал в глубину его темных глаз.

Подняв трубку, он нажал кнопку, чтобы воспроизвести голосовое сообщение. Ли Тан сказал:

[~ Я дома]

Через мгновение он отправил еще одно сообщение:

[~ Я выпил суп, все мое тело согрелось]

Цзян Лу спросил, что это за суп, и Ли Тан ответил:

[~ Суп из квашеной капусты и утки, фирменное блюдо моей матери]

[~ Вот как, — сказал Цзян Лу. ~ Мне бы очень хотелось попробовать его]

Он все еще смотрел на фонарь-кролика и на ржавый гвоздь.

Он вспомнил, как двенадцать лет назад в этот день висевший там желтый календарь гласил, что в этот день благоприятно встречаться с друзьями и родственниками, поэтому он с добротой и терпением встретил визит странного ребенка в его дом.

Но доброта никогда не заканчивалась добром, как и в случае с его отцом, сиюминутным решением, и он умер без целого тела. Поскольку он по собственной инициативе отогнал грузовик домой в рабочее время, он даже не удостоился посмертного звания героя.

Телефон снова завибрировал, тон Ли Тана был непринужденным:

[~ Тогда приходи ко мне домой в следующий раз]

Цзян Лу поднес телефон к губам:

[~ Хорошо]

Весь свет в комнате был выключен, Цзян Лу сидел в центре темноты, словно окруженный руинами.

Невидимые цепи крепко сковали его.

Его тело могло свободно выйти, но душа оставалась запертой на месте.

<http://bllate.org/book/13923/1226774>